

Предисловие

Я никогда не встречался с моим дедом, Робертом Эдуардовичем: он умер в 1926-м, а я родился только в 1948 году. Моя бабушка Софья Ивановна умерла еще раньше – в 1912-м. В то же время отец, Иван Робертович на моих глазах работал в качестве штатного редактора над книгой: Марк Каменецкий. Роберт Эдуардович Классон. Госэнергоиздат, 1963. Поскольку автор, сдав рукопись в издательство, скончался в 1960-м, отец стал фактически соавтором этой книги, внеся в нее значительные дополнения. Правда, издательство многие из этих дополнений попросту бесцеремонно выкинуло.

Как отмечал И.Р. Классон после выхода книги, многое с ней делалось «с позиции силы», т.е. вопреки правке им так называемой «литературной редакции» и правки верстки, или же вообще без его ведома – изъяв указатель имен (задуманного еще автором), изъяв описание тяжелых условий эксплуатации «Электропередачи» и 1-й МГЭС в 1919-20 годах, согласовав без его участия сигнальный экземпляр. И совсем уже одиозным стало «художественное оформление» обложки: портрет Р.Э. Классона на фоне электростанций с трубами, из которых валит черный дым! Но таковы уж были в советских издательствах хамские «стандарты обращения» с авторами и штатными редакторами.

И.Р. Классон в 1964-м составил «Исправления замеченных опечаток, ошибок, «досадных» сокращений, пропусков и неудачных замен слов, а также короткие существенные дополнения». А в 1979-1982 годах, т.е. в совсем уже преклонном возрасте, напечатал на машинке более обширные «Дополнения, а также исправления опечаток и слов, искажающих смысл». Они были подготовлены для ГРЭС имени Р.Э. Классона в Электрогорске в связи с организацией на ней музея истории электростанции.

Отец после выхода вышеупомянутой книги пытался ее переиздать, убрав «досадные ошибки» и существенно расширив текст в сторону житейских подробностей. Однако ни Госэнергоиздат, ни другие издательства на переиздание не пошли. А жаль – много интересных материалов десятилетиями не были доступны массовому читателю, в том числе и ведшийся Р.Э. Классоном Бакинский дневник (несколько цитат из него все-таки было приведено в книге М. Каменецкого), написанные сыном этюд «Роберт Классон как человек» и воспоминания о детстве и отрочестве. Они полвека пролежали в Центральном государственном архиве народного хозяйства (сейчас Российский государственный архив экономики), и теперь пространные выдержки из них публикуются впервые.

В данной версии приводится книга М.О. Каменецкого с многочисленными вставками, взятыми из машинописного варианта рукописи (хранится в ф. 9508 РГАЭ).

Я успел поехать с отцом в Электрогорск на ГРЭС-3 (бывшую «Электропередачу»), которую задумал и под которую получил на Западе инвестиции, построил и смонтировал, пустил в эксплуатацию на местном топливе (торфе) дед с соратниками. Уже без отца отвез туда же дедовы трость и охотничье ружье (последнее было подарено Роберту матерью Анной Карловной Вебер, после того как он закончил киевскую гимназию с серебряной медалью). Был и на ГЭС-1 (Раушской станции) в Москве, в эксплуатации и расширении которой опять же участвовал дед.

Хотя только в достаточно зрелом возрасте я осознал его исключительную роль во внедрении в России трехфазного тока и паровых турбин в промышленных масштабах. Эти технологии распространились затем, в т.ч. и благодаря Р.Э. Классону, по всему миру. И пришел к неожиданному выводу – именно дед стал основоположником российской промышленной электроэнергетики, а не другие раздутые советской пропагандой персонажи, вроде Г.М. Кржижановского.

И лишь в преклонных годах у меня появился пристальный интерес к деду как к неординарной личности. Надеюсь, что читателю будет интересна не только личность Р.Э. Классона: его поступки и мысли могли представлять сейчас лишь исторический интерес, если бы многие элементы этой инженерной и экономико-политической, публицистической, наконец, деятельности и тогдашних условий не были столь актуальны и для современной России.

Весьма немаловажны для характеристики Р.Э. Классона и личные отношения с окружавшими его людьми. И, конечно же, с родственниками. Женившись на Софье Ивановне Мотовиловой, Роберт Эдуардович приобщился к древнему дворянскому роду. Естественно, что и представители этого рода вызывали у меня неподдельный интерес.

Из письма Николая Александровича Мотовилова («Серафимова служки») императору Николаю I:

Предки мои – славянские властители, равные в правах нынешних дворян, удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княженье землю Русскую, что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит. А с Пожарским и Мининым были тоже двое Мотовиловских предка мои при избавлении Москвы и России от поляков и потом при возведении на Всероссийский престол Всеавгустейшего Дома Романовых. <...> И во все время почти тысячелетнего дворянства своего в государстве Российском Мотовиловы, служа стольниками и полковниками, сотниками стрелецких полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служа и Тому, и другому, и третьему всегда верою и правдою. (ф. 109 ГАРФ)

Мой троюродный брат Виктор Платонович Некрасов в повести «По обе стороны Стены» зафиксировал такую грустную тенденцию: *«Молодость беспечна. Интересуется больше настоящим и будущим. К прошлому более или менее равнодушна. Равнодушен был и я. Теперь локти кусаю»*. Локти кусал потом и я. Почему, будучи в начале 1970-х в командировках в Киеве, не зашел к В.П. Некрасову (его тетка Софья Николаевна Мотовилова умерла в 1966-м, когда я лишь окончил школу, а его мать Зинаида Николаевна – в 1970-м, когда я еще учился в Московском энергетическом институте)? Правда, МЭИ я окончил только в 1972 году, на военную службу был призван в 1973-м, а уже в 1974 году опальный писатель вынужден был эмигрировать. Почему не пытал отца и тетю Катю вопросами о родственниках и не записал их воспоминания на магнитофон?

Р.Э. Классон, его дети и наши родственники Мотовиловы и Александровы испытали, как и весь российский народ, тяжелейшие потрясения после октябрьского переворота 1917-го. Но большинство из них даже не помышляло эмигрировать. Тем не менее, как мне представляется, они смогли сохранить порядочность при большевиках, в атмосфере тотального доносительства, при массовом палачестве и, по мере своих сил и талантов, служили все той же России, пусть и советской. Относясь, вместе с тем, вполне нейтрально к властям, занимаясь в основном профессиональными делами и почти не интересуясь политической карьерой.

В то же время автор не хотел бы предстать в глазах читателя необъективным защитником бывшего «класса эксплуататоров» и пристрастным критиком «Софьи Власьевны». Я лишь пытался показать, опять же на примере Р.Э. Классона, «Классонят» и Мотовиловых и Александровых, что большевистская политика притеснения и даже уничтожения дворян, «буржуазной интеллигенции» сильно навредила стране. Хотя большевики не жалели ни «своих, красных» инженеров и профессоров, что тоже немало навредило России. Как нанес неисчислимый ущерб стране и весь коммунистический эксперимент, с экспроприацией частной собственности и насаждением тотальной плановой экономики.

Здесь, для подкрепления авторской позиции, уместно процитировать «Окаянные дни» И.А. Бунина:

«Революция – стихия». Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются. А революции всегда «углубляют». «Народ, давший Пушкина, Толстого». А белые не народ. «Салтычиха, крепостники, зубры». Какая вековая низость – шулерничать этой Салтычихой, самой обыкновенной сумасшедшей. А декабристы, а знаменитый московский университет тридцатых и сороковых годов [XIX века], завоеватели и колонизаторы Кавказа, все эти западники и славянофилы, деятели «эпохи великих реформ», «кающийся дворянин», первые народовольцы, Государственная Дума? А редакторы знаменитых журналов? А весь цвет русской литературы? А ее герои? Ни одна страна в мире не дала такого дворянства. «Разложение белых». Какая чудовищная дерзость говорить это после того небывалого в мире «разложения», которое явил «красный» народ.*

А также привести слова А.М. Пешкова-Горького: *«За все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране»* (из письма заместителю председателя Совнаркома и Совета труда и обороны А.И. Рыкову, посланного в июне 1922-го в связи с начатыми большевиками «судебными процессами» над социалистами-революционерами, или эсерами).

В заключение автор хотел бы поблагодарить сотрудниц и сотрудников Государственного архива РФ (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Центрального архива ФСБ, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, бывш. ЦПА ИМЛ), при содействии которых удалось ознакомиться с уникальными материалами.

В Отделе рукописей РГБ хранятся не только многочисленные письма С.Н. Мотовиловой своим корреспондентам, но и ценные документы, пересланные ее матерью Алиной Антоновой Мотовиловой в Лозанну и сохраненные там дочерью последней Верой Николаевной и зятем Николаем Алексеевичем Ульяновыми. После смерти последних часть их была, при посредничестве советского посольства в Швейцарии и И.Р. Классона, переправлена в Москву, в тогдашнюю библиотеку им. Ленина. Вторая же часть архива В.Н. и Н.А. Ульяновых отправилась в Париж, к писателю-эмигранту В.П. Некрасову. Теперь она, после его смерти, находится в Киеве, в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины, который любезно предоставил автору ряд снимков З.Н. и В.П. Некрасовых.

Не менее драматична и занимательна судьба бумаг С.Н. Мотовиловой, которые после ее смерти попали к племяннику В.П. Некрасову. Большая часть этих бумаг (в т.ч. и письма моего отца), как вспоминал пасынок Виктора Платоновича В.Л. Кондырев в своей книге «Все на свете, кроме шила и гвоздя», была торжественно отправлена ими на свалку.

* Дарья Николаевна Салтыкова (1730-1801), помещица Подольского уезда Московской губ., за прегрешения типа «нечистое мытье белья или полов» замучила 139 крепостных, была приговорена к смертной казни, замененной Екатериной II пожизненным заключением.

Широко известна и история убийства в 1825 г. в имении Грузино Новгородской губ. любовницы-домоправительницы графа А.А. Аракчеева Настасьи Минкиной, которая тоже измывалась над дворовыми и по доносам которой граф-мучитель порол «виновных» и подвергал их пыткам.

В то же время в воспоминаниях дворян подобные случаи, хотя и менее жестокие, предстают не такой уж редкостью. См., например, П.А. Кропоткин. Записки революционера.

Но кое-что они все-таки сохранили: прежде всего, многочисленные дневники Софьи Николаевны (в 2011-м большинство из них, не покидавших России, попало на хранение в РГАЛИ), а часть материалов – побывав в Париже и Киеве – еще в 1990-х, с подачи бывшего литературного секретаря писателя А.Е. Парниса и В.Л. Кондырева, была передана в отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

Чекисты по моему запросу прислали в Москву архивное уголовное дело на дядю, Павла Робертовича Классона, начатое в 1938-м и до сих пор хранящееся в управлении ФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской области, – П.Р. Классон получил 3 года за «антисоветскую агитацию» (а первоначально, как «советский немец», шел по расстрельной статье – «шпионаж»!). Правда, мне удалось ознакомиться лишь с томом №1 (а том №2, где, возможно, хранятся донесения сексотов, до сих пор не рассекречен?).

Сделан был запрос и в Службу безопасности Украины, по поводу уголовного дела на моего деда по матери – Гавриила Тарасовича Позигуна. Он в 1931-м получил 5 лет лагерей. Хотя был когда-то лишь крепким крестьянином, а на момент следствия – «в прошлом крестьянин-кулак, б. волостной писарь, в 1930 году мне был доведен план ко двору по хлебозаготовке в количестве 700 пудов, за невыполнение которых имущество распродано».

Но Г.Т. Позигуна доблестные чекисты притянули по масштабному делу «военно-повстанческой контрреволюционной организации работников Юстиции и административно-хозяйственных учреждений Криворожья», связанной с еще более масштабной Все-союзной военно-офицерской контрреволюционной организацией «Весна»!! И посему он обвинялся по весьма серьезным статьям – 54-11 (контрреволюционная деятельность) и 54-2 (вооруженное восстание) – УК УССР за 1927 год! За что многих обвиняемых и расстреливали!!!

Архивы же бывш. Департамента полиции царского МВД (ф. 102 ГАРФ) содержат богатую информацию по нашему главному герою и его соученикам по Петербургскому технологическому институту, знакомым и коллегам по работе, по «революционной борьбе», в которой многие из них оказались замешаны.

В то же время многие материалы отмеченных выше архивов все еще ждут квалифицированных исследователей, которые могли бы разыскать немало интересного по судьбам людей, действиям царских и советских властей, вообще, о жизни народа и интеллигенции при царях и «Софье Власьевне».

С одной стороны, интерес российских и зарубежных исследователей к оним материалам весьма велик, на что я обратил внимание, работая в читальном зале ГАРФ и РГАЭ, а также в отделе личных фондов РГАЭ, то же – в читальном зале №1 (фонды бывшего ЦПА Института Маркса-Ленина) РГАСПИ. А вот в читальном зале №3 (бывш. комсомольский архив) РГАСПИ я оказался (в поисках писем моего отца своему отцу в Москву, когда первый учился в 1920-х в Берлине), по-видимому, единственным россиянином-исследователем, остальные посетители были иностранцами!

С другой стороны, работе исследователей сильно мешает весьма слабая оцифровка архивных материалов и даже (что необходимо сделать в первую очередь) их описей. Так, в ГАРФ, когда я там работал, только-только приступили к оцифровке описи фонда №1167 «Коллекция вещественных доказательств, изъятых Жандармскими Учреждениями при обысках редакций, газет и отдельных лиц». Мне пришлось потратить несколько часов, перелистывая 5 толстенных описей на несколько тысяч документов, в поисках, предположительно, попавшего туда письма Р.Э. Классона из Цюриха от 15 апреля 1892 г. М.И. Брусневу в Москву.

Не найдя оное, я обратился к 7-му делопроизводству Департамента Полиции (ф. 102 ГАРФ), где хранилось д. 131 за 1892 г. под предположительным названием «О московском революционном кружке (дело Егупова)». На него указывали ссылки и по Р.Э. Классону, и по М.И. Брусневу, и по М.М. Егупову в чудом сохранившейся полицейской картотеке на несколько тысяч революционеров. Но это дело в описи №189 7-го делопроизводства отсутствует, как и многие десятки других дел. Возможно, они погибли в революционных пожарах 1917-го. Но ведь это необходимо особо отмечать, пока же в описях зияют огромные лакуны...

В то же время не могу благодарить сотрудников следующих архивов: Российского государственного военно-исторического (РГВИА, Москва), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Российского государственного исторического (РГИА, С.-Петербург). И вот по каким обстоятельствам.

РГВИА по запросу о моем прадеде И.Е. Мотовилове долго отмалчивался и лишь после моего личного похода в это старинное здание – Лефортовский дворец соизволил в 2011-м полуиздевательски ответить: «<...> Для продолжения поиска сведений о интересующем Вас лице необходимо точно знать название воинской части, в которой он служил, и дату его увольнения от службы». То есть, мне предлагалось, для продолжения поисков в РГВИА, где-то еще узнать, в каком же все-таки полку служил корнет И.Е. Мотовилов!!!

В 2012-м на мой повторный запрос, с уточнением некоторых сведений по И.Е. Мотовилову, из РГВИА пришел уже попросту издевательский ответ: «<...> Приблизительная стоимость поиска сведений о интересующем Вас лице по вышеуказанным документам составит 6 000 рублей, без гарантии положительного результата. В случае положительного результата поиска копирование документов или составление архивной справки оплачивается отдельно».

Питерский РГИА долго водил меня за нос обещаниями изготовить копии архивных документов «пользовательского качества». Мои попытки уточнить этот термин по «электронке» и телефону неуклонно пресекались. И лишь после подписания с архивом договора, где я все-таки пытался настоять на том, чтобы копии были выполнены с разрешением 300 dpi, случайно узнал, что «пользовательское качество» означает разрешение не более 100 dpi! Тем не менее РГИА выставил мне счет на 2 028 руб. и пригрозил, в случае его неплаты (заранее, без получения даже образца найденных документов), подать на меня в суд!

ГАУО же (Ульяновск), после некоторой переписки по электронной почте, по поводу того, имеются ли документы о продаже корнетом такого-то полка И.Е. Мотовиловым именний, прислал счет на 783 руб., в качестве предоплаты за подготовленную им архивную справку на 4-х листах, из которой я мог бы узнать «отдельные биографические сведения о Егоре Николаевиче Мотовилове, его супруге и двенадцати детях (?!)». Двенадцать детей было не у Егора Николаевича, а у его сына Ивана! Такую, явную халтуру я оплачивать отказался.

Узнав об этом, директорша ГАУО высокомерно и опять-таки полуиздевательски ответила:

Господин Классон, в ранее выявленных архивных документах сведений «по продаже-купле именний в Симбирской губернии, в которых бы выступал продавцом Иван Егорович Мотовилов» не имеется. Дальнейший поиск «купчих» И.Е. Мотовилова невозможен. Вы и Ваши доверенные лица могут самостоятельно вести поиск интересующих Вас документов в читальном зале государственного архива в установленном порядке.

Директор ОГУ ГАУО Л.А. Сомова

Хорошо хоть, что г-жа Сомова не пригрозила подать на меня в суд!

В 2013-м я связался с Центральным государственным историческим архивом Украины, где хранятся документы по отцу Роберта Эдуардовича – лекарю Эдуарду Эрнестовичу Классону. За вполне приемлемую плату киевские архивисты сделали и прислали мне сканы документов середины XIX века, которые я использовал при работе над очерком «Шведско-немецкие корни».

А тремя годами ранее на меня вышел внук академика А.П. Александрова – Иван Александрович, который познакомил со своей теткой Марией Анатольевной и двоюродным дядей Евгением Борисовичем Александровыми. И у Марии Анатольевны обнаружился «заветный чемоданчик», привезенный в Москву ее тетей Валерией Петровной Александровой, когда она перебралась из Киева в Москву к своему брату Анатолию Петровичу. Так вот, в этом «заветном чемоданчике» хранится единственный дагерротип Эдуарда Эрнестовича, а также многочисленные письма сестры Роберта Эдуардовича – Эллы Классон-Александровой! Конечно же, в своих очерках я использовал сии бесценные документы.

Эту, существенно более дополненную и углубленную версию «биографических очерков» было бы более верно назвать, например, «документальной драмой». Как, собственно, и предыдущую версию.

Только недавно я реально осознал, что для «матери-истории» необходимо изначально стремиться не к пресловутой «беллетризации» этих очерков (примеры подобных «перлов» советских писателей будут ниже приведены), а к максимальному цитированию до сих пор лежавших втуне документов и к такому же – использованию многих, опять же до сих пор неизвестных, свидетельств современников описываемых героев. Чем я и занимался все предыдущие шесть-семь лет. Текст от этого становится, правда, более трудным для восприятия, за что я заранее приношу извинения массовому читателю.

Возможно, в будущем у меня хватит сил написать все же и беллетризованную версию сих биографических очерков (но, по возможности, с бережным переводом текстов документов и свидетельств в иносказательную форму), например в формате знаменитой серии «Жизнь замечательных людей»...

Автор, ноябрь 2013 года

К сожалению, от последней мысли пришлось отказаться за ограниченностью своих человеческих ресурсов – которых все же должно вроде бы хватить на выпуск автобиографических очерков (они готовы на 80-90%).

Автор, октябрь 2016 года

В завершение предисловия приведем достаточно квалифицированное мнение о том, для кого могут представлять интерес сии «биографические очерки»:

Дорогой Михаил Иванович!

С удовольствием прочитал новую детальную версию. Мне все понравилось. Насчет беллетристики против архивно-документалистики, мне кажется, что нужно или две версии – одна сжатая, другая распространенная, либо сжатый основной текст, а все детали в приложениях. Для большинства людей прочитать книгу объемом больше 500 страниц, дело вообще невозможное. Да и на такой подвиг способны немногие. Так что рассчитывать на массового читателя в любом случае не стоит.

Для массового читателя, то, что у Вас было опубликовано в [электрогорской] газете много лет назад – уже достаточно. Хотя ту сжатую версию можно, конечно полировать в свете появления новых материалов. Что-то убрать, что-то добавить, дать ссылки на новые приложения и т.д. Но, в общем, принципиально ничего не изменится.

То, как у Вас сейчас – это не для сплошного чтения, а для фрагментарного (за исключением специально заинтересованных лиц, которых можно пересчитать по пальцам). На фрагменты люди будут выходить просто по именному поиску. Если кто-то вздумает написать диссертацию или роман про Красиных, Ваш материал, например, будет просто неоценимым. И так по сотням самых разных поводов. Даже если все это будет слабо структурировано и даже совсем нечитабельно (как справочник или диссертация), все равно польза будет большая. Но от этого Вы пока очень далеки, на мой взгляд.

кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории цитогенетики
ФГБНУ «Научный центр психического здоровья»
Иван Александрович Александров, 3 июня 2016 г.